

Я вернулся в мой город знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухших желез...

О. Мендельштам

Великая Отечественная Война кардинально повлияла на судьбы всего моего поколения. Своими огненно-безжалостными шагами она прошла и по Ленинградским предместьям, судьбам их мирных жителей, в том числе и по моей, неразрывно связанной в детские годы с пригородным ленинградским городом-поселком Урицком (Лигово). Следует отметить, что название Урицк, присвоенное поселку в двадцатые послереволюционные годы, в малой степени было воспринято коренными жителями, которые в своей повседневной жизни продолжали называть поселок «Лиговом». Укоренению такого названия также способствовало большое историческое прошлое поселка и также то, что название железнодорожной станции Лигово было после переименования поселка в Урицк оставалось неизменным. В соответствии с этим я также вместо официального названия Урицк чаще использую название Лигово.

Я не буду глубоко касаться истории возникновения, становления поселка и его исторических достопримечательностей. Эти стороны его жизни весьма подробно отражены в Интернете благодаря существованию сайта, посвященного Лигову (ligovo-spb.ru).

Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность организатору этого сайта. Именно его материалы, происходящие на его форуме дискуссии, опубликованные на сайте фотографии и открытки оживили картинку из моего далекого дорогого для меня прошлого. Все это побудило меня взяться за перо с целью поделиться личными воспоминаниями с людьми, равнодушными к истории родного края, а мой труд до некоторой степени можно рассматривать как результат коллективного творчества.

В ходе повествования я часто буду касаться гипотез и предположений, высказанных на форуме, преломляя мнения «копателей» истории Лигова-

Урицка через мое личное восприятие и личные субъективные воспоминания о прошлом, которое благодаря материалам сайта во многом приобрело для меня определенную системность, документальность и четкость. Невозможно передать теплоту и радость ощущений, пробуждаемых процессом созерцания на аэрофотоснимке пусть и смутных очертаний родного довоенного дома, сада, мест детских игр и забав, ощущать запечатленные на подсознательном уровне запахи Лиговского разнотравья, с болью осознавать неизбежное стирание временем и цивилизацией очертаний дорогих мне мест.

В ходе воспоминаний мне приходится часто рассказывать об оккупантах - войсках и солдатах Вермахта. В военные и послевоенные годы при неофициальном общении и в письмах обычно их называли «немцами», не вкладывая в этот собирательный по смыслу термин какого-либо признака национальности и не ставя знак равенства между понятиями солдат Вермахта и фашист. С таким же смысловым оттенком используется термин «немцы» и в моем повествовании.

Время бежит быстро, беспощадно стирая из памяти и из окрестных пейзажей отпечатки прошлого и все меньше становится живых свидетелей лихолетья прошлых военных лет.

О себе и ближайшем окружении (семейном и географическом)

Я родился 30 июня 1933 года в поселке Лигово (по тем временам, носившим официальный статус города Урицка). Родители моей матери жили в самом Ленинграде на 13-ой Красноармейской улице. Эта улица с одной стороны соседствовала с Измайловским собором, а с другой - трамвайной линией маршрута №28. Можно предположить, что близость к кольцу этого маршрута могла сыграть существенную роль в обстоятельствах моего появления на свет и последующего проживания в Лигово. Дело в том, что трамваи этого маршрута ходили по стрельнинской линии, что позволяло местным жителям и, в том чис-

ле, будущей моей матери за условную копеечную плату доехать до прекрасных загородных мест таких, как общедоступный Полежаевский парк.

Непосредственно у западной его границы за большой мелиоративной канавой-рвом находились сад и дом, принадлежавшие родителям моего отца. Все эти обстоятельства способствовали его знакомству с будущей моей мамой, его женитьбе и моему рождению.

Упомянутый Измайловский собор в годы военного лихолетья сыграл особую знаковую, болезненную по ощущениям роль в дни нашего пребывания на оккупированной немцами территории. Это было связано с тем, что с момента оккупации Лигова немецкими войсками оказалась прерванной какая-либо связь с мамой, находящейся в осажденном Ленинграде в квартире на 13-й Красноармейской (в доме №13) в какой-то паре сотен метров от собора. Возвышенный характер Лиговского глинта и Гореловских высот позволяли довольно подробно просматривать панораму Ленинграда и, в первую очередь, видеть купола Измайловского собора. Отсутствие какой-либо возможности узнать о маминой судьбе, дым пожаров, периодически возникающих в осажденном Ленинграде, делали вид куполов собора болезненно тревожным. Только летом 1944 г., после более чем трехлетнего периода взаимной неизвестности о наших судьбах, мы (это мой брат и наша бабушка – мамина мама), переступив порог нашего родного дома на 13-й Красноармейской, смогли обнять нашу маму, пережившую всю Ленинградскую блокаду в полной неизвестности о наших судьбах.

К таким же для меня тревожно-знаковым объектам оккупированного Ленинграда относились и находившиеся в каких-то трех-четыре километрах от нашего дома в Лигове сооружения Ленинградского порта и, в первую очередь, его доминантная точка - фермы судоремонтного крана-эллинга Судостроительного завода им. Жданова (сейчас это территория завода «Северная Верфь»). Эти фермы даже в послевоенные годы долго пробуждали во мне воспоминания не только о событиях военных лет, но и картинки моего детства. Многие годы я проживаю на проспекте Стачек в районе Кировского жилгородка, откуда еще долго (до 80-х годов) можно было наблюдать практически неизменившуюся с

детских лет картину промышленного Ленинграда. Возможно, именно благодаря этому послевоенному пейзажу, его непрерывно пробуждающему воздействию на мое сознание, я обязан сохранению в моей памяти фрагментов и картин прошлого и желанию написания этих воспоминаний. Отмечу, что отраженные на многочисленных снимках изображения упомянутого эллинга и в настоящее время выступают в качестве ключа при расшифровке сущности публикуемых фотографий и определении точек их съемки.

Наш дом в Лигове. Наш дом находился на улице Ленина (бывшей ул. Дернова) под №105. В настоящее время на месте дома и сада находится топливно-энергетический комплекс (ТЭК) (Авангардная ул., 17). Местоположение северной трубы этого ТЭК соответствует положению нашей домовой постройки, так что эта труба для меня выступает в качестве своеобразного геодезического знака, некоторым символом, исторической отметиной, памятным знаком, связывающим мое Лиговское прошлое с настоящим.

Наш дом можно отнести к типичным для дачного посёлка Лигово деревянным двухэтажным зданиям. До революции владельцами дома являлись родители моего отца: Павлов Георгий Павлович и его супруга Екатерина Минаевна. В послереволюционное время дом перешел в общегосударственную собственность - были выделены помещения для проживания еще пятерых семей. В распоряжении семьи моего деда оставалась только восточная часть первого этажа, а также прилегающий с востока фруктовый сад с яблонями и двумя грушами. Правда, последние совсем не плодоносили, не смотря на то, что в весеннюю пору сплошь покрывались цветами. Поэтому мы с братом любили сниматься в саду.

Восточная граница сада проходила по берегу упоминавшейся канавы-рва, за противоположным склоном которой непосредственно находилась территория Полежаевского парка. На фото 1939 года за дощатым забором нашего сада видны мощные сосновые деревья этого парка. В послевоенные годы сосновые

пни на этих местах ещё встречались в обрамлении мелкого кустарника и наполненных водой воронок.

В восточном направлении от дома к мелиоративной канаве Полежаевского парка шли сараи. Цепочка их крыш и крыша нашего дома хорошо просматриваются на аэрофотоснимке 1939 г. Ближайший к канаве сарай принадлежал нам. На фотографии 1939 года мой дедушка, строитель дома, а рядом с ним - наша собака Орел. Она была «прошита» автоматной очередью в ночь 13/14 сентября 1941 года в ходе зачистки немцами поселка прямо у собачьей будки.

Пепелище нашего дома нам удалось посетить летом 1944 г, когда разминированы были только улицы, выделенные нитками колючей проволоки и табличками: «Мины». До Лигова из Ленинграда мы шли пешком от дома культуры им. Газа, около которого находилось конечное кольцо городского трамвая. В самом Лигове на еще не разминированной территории находилось и пепелище нашего дома. С риском подорваться, раздвигая траву штыком подобранной винтовки, проигнорировав проволочное ограждение и предупреждающие надписи, осторожно ступая след в след мы (отец, мой брат и я) добрались до пепелища. На нем под слоем гари и земли обнаружили остатки наших пожиток. Эти пожитки были спрятаны в подвале дома в сентябре 1941 г. Когда их прятали, предполагали, что немцы при таких темпах наступления вмиг проскочат Лигово, но этот «миг» растянулся почти на 900 «горячих» дней. Уцелевшими оказались лишь части фарфорового сервиза, а также блюдо. Это блюдо можно назвать «фронтовым», так как оно находилось на немецкой передовой все дни Ленинградской блокады и многочисленных боёв в одной из горячих (Урицких) точек блокадного кольца.

От Полежаевского парка как парка и поселка к 1944 г. практически ничего не осталось. Почти все деревья спилены или уничтожены артобстрелами, кругом пепелища и заполненные водой воронки, а из домов - только руины бывших кирпичных зданий – школы, пожарной части, бани. Сквозь невысокий травяной покров во многих местах можно было еще увидеть солдатские останки в обмундировании с порыжевшими следами крови на шинелях, истлеваю-

щих на солнцепёке. Повсюду валялось легкое боевое солдатское оружие – винтовки, гранаты, патроны. Но крупной разбитой военной техники, такой, как орудия, танки, автомашины, на всей насквозь просматриваемой лиговской территории не было видно.

Но вернемся к описанию предвоенной Лиговской обстановки в том виде, в каком она конкретизировалась в моем сознании, а также в результате преломления через память и анализа содержания многочисленных дискуссий, проведенных на упоминавшемся форуме.

Дренажные системы. Глинистая, с малой водопроницаемостью почва поселка в сочетании с относительно ровным характером ее поверхности требовали проведения определенных дренажных мероприятий. Поэтому наша улица Ленина (Дернова), как и ряд других Лиговских улиц, проходила в обрамлении дренажных канав. В нашей северо-восточной части поселка дно этих канав обычно имело небольшой наклон (увеличивающуюся глубину) в направлении с юга на север (в сторону глинта). Неглубокие водоотводящие и водосборные канавки также часто пронизывали и прилегающие к домам территории. Мой дедушка в саду и около дома создавал фашинную дренажную систему – выкапывал неглубокие траншеи, в которые укладывал хворост и сверху засыпал его землей. Вдоль проезжей части дороги на лежнях (коротких бревнышках) в наиболее вязких местах вдоль обочин проходили дощатые пешеходные мостки.

Для отвода воды Полежаевский парк был пронизан рядом дополнительных водоотводных канав, направленных из центральной части парка к основной (большой) дренажной канаве-рву. Эта канава проходила по всей западной границе парка, обеспечивая отвод талых и дождевых вод за пределы глинта. Структура этих парковых канав хорошо просматривается на аэрофотоснимках, а также на одном из планов восстановления Полежаевского парка. Канавы имели практически исчезающую (нулевую) глубину в центральной (возвышенной) части парка и существенную (порядка 2...2,5 метра) при их впадении в большую канаву.

Водоснабжение. Как и в любом дачном поселке, важным аспектом обеспечения комфортного проживания являлись вопросы, связанные с водоснабжением и канализацией. Отмечу, что глинистый характер почвы с малой водопроницаемостью не позволял в Лигове решать проблему водоснабжения путем создания индивидуальных колодцев. Я помню рядом с нашим домом глубокую яму под названием «колодец», которая пугала мое детское сознание только высотой возможного в нее падения, а не перспективой утонуть в так называемом колодце с практически полным отсутствием воды. Выручали водоразборные колонки, обеспечивающие круглогодичную возможность набрать чистой питьевой воды. В моих воспоминаниях часто всплывает облик одной из них. Она располагалась недалеко от нашего дома в районе Андреевского переулка. Вспоминается – в зимнее время санки с заполненными водой ведрами, ледяная гора, образовавшаяся из-за непрерывно бьющей из крана колонки шипящей струи. Мне кажется, что кусочек утеплительного чехла такой (а, может быть, даже той) колонки выглядывает на фото с подбитым танком. Но за точность не ручаюсь, так как время и детское восприятие могут выдавать кажущееся за действительное. Для полива и бытовых нужд обычно использовалась дождевая вода. Для ее сбора у водосточных труб стояли деревянные бочки. У некоторых домов были выкопаны небольшие пруды, воды которых использовались для хозяйственных нужд и полива, правда, вода в этих прудах обычно была мутной и из-за глинистого дна имела желтовато-коричневый оттенок.

Канализация. В подавляющей части Лигова централизованной канализационной системы не было. У домов находились выгребные ямы, куда через обычно деревянные направляющие коробка-трубы поступали отходы человеческой жизнедеятельности.

Из воспоминаний военных лет офицера вермахта Вильгельма Липпих:

«В некоторых трехэтажных деревянных домах в Урицке даже имелись уборные. Однако они имели одну особенность. Вместо канализационных труб использовались узкие деревянные желоба, находившиеся внутри стен. Нечис-

тоты с шумом сливались вниз, и каждый раз, когда кто-то пользовался уборной, это было слышно во всем доме».

Чистку выгребных ям осуществляли специальные рабочие, приезжавшие на оборудованных лошадиных повозках с большими деревянными бочками на боку и люком в верхней части. В распоряжении возницы был длинный шест с прикрепленным на конце выгребным ведром. Все это сооружение и его обслуживающий персонал мы со своей детской непосредственностью называли г***возами. Куда вывозились и где сбрасывались нечистоты – сказать не могу, но предполагаю, что в качестве места сброса могли выступать низовья речек Дудергофки и Ивановки.

Места купания. Основным местом летнего времяпровождения детей и подростков поселка были берега Лиговского озера (пруда). Но мы часто предпочитали купание в Мавринском пруду. Этот пруд, еще существовавший в 1970-х годах, своим восточным краем примыкал к улице Володарского в районе ее выхода на Петергофское шоссе. Сейчас здесь проходит северный участок ул. Партизана Германа у здания Администрации Красносельского района. В центре пруда находился заросший кустарником остров.

С этим островом и отделяющей его от северного берега неширокой (8...10 метров) протокой связано знаковое для меня и очень памятное событие. Дело в том, что протока в основной своей части имела «удобную» для детского купания глубину. Исключение составлял ее участок шириной порядка двух метров, непосредственно примыкающий к острову. Глубина на этом участке не позволяла мне при моем в то время росте перебираться на остров вброд. Плавать же я еще не умел, а страстно-вожделенное желание побывать на острове было непреодолимо. Последнее и побудило меня в один прекрасный день набраться сил и смелости и с большим риском отчаяться на заплыв. Заплыв, как вы понимаете, оказался успешным (я же пишу эти строки), если не принимать во внимание нескольких десятков секунд ужасного страха и долгого последующего откашливания от воды, попавшей в дыхательные пути. Таким образом, Мавринский пруд мною может рассматриваться как купель, в которой со-

стоялось мое крещение, как человека, умеющего плавать. Интересно отметить, что уже в 1970-ые годы я несколько раз повторял заплыв на остров, но уже как человек, вполне овладевший техникой плавания и уже спокойно переходящего протоку вброд. Хотя полагают, что, в принципе, нельзя дважды переплыть одну и ту же протоку, поскольку ты уже не тот и протока уже не та.

Но вернемся к купанию в самом Лиговском озере. В качестве основного недостатка озера как места купания было отсутствие в нем участков с плавным переходом от мелководья к большой глубине, которая в некоторых местах достигала 8...9 метров. В этом и сейчас можно убедиться, посмотрев на русло реки Дудергофки в районе бывшего Полежаевского парка (севернее проспекта Ветеранов). Крутой спуск в воду в сочетании с большой глубиной и скользким глинистым берегом часто приводил к трагической гибели неосторожных купальщиков. Помню, как со стороны озера часто раздавался трагический крик: «Утонул!». И мы всей детской компанией, гонимые неуместным в таких случаях любопытством, бежали на берег озера, где группа добровольцев-ныряльщиков пыталась найти тело несчастного купальщика. Поиски обычно были длительными из-за большой глубины озера. Обычно в ходе поисков привлекались такие подручные средства, как багры и крюки-кошки. Вследствие длительности поиска применение искусственного дыхания обычно уже не давало положительного результата.

Чтобы избежать подобного трагического исхода наша детская компания для купания в озере сосредотачивалась у местного лягушатника – небольшого мелководья около мыса (бывшей пристани), непосредственно примыкающего с востока к левому берегу, где стоял Буксгеведенский господский дом. Это мелководье четко можно опознать по следу мелкой водной растительности на аэрофотоснимке предвоенного периода.

Жители Клинова также в малой степени использовали Лиговское озеро как место купания, предпочитая ему пруд в районе бывшего Кушелевского поместья или северный участок Дудергофки, носившей неофициальное название «Бабья речка».

Интересную версию возникновения названия «Бабья речка» рассказала мне жительница поселка Клинова:

«Еще в те времена высокой нравственности у жителей деревни Лигово стихийно сложилось разделение мест купания. Обуславливалось это с одной стороны тем, что красивых купальных костюмов в продаже не было, а с другой, тем, что в нижнем течении река Дудергофка, имея извилистое русло, создавала ряд уединенных участков, удобных для купания. В результате этого возникли условия для раздельного купания мужчин, женщин и детей. Верхний у плотины участок принадлежал женской («бабьей») части населения, откуда и в быту возникло название «Бабья речка». Соответственно назывались и другие участки купания – «детский» (мелководный широкий участок в средней части русла) и «мужской» (в нижней части русла, относительно глубоководный с трамплином для ныряния)».

Кушелевский пруд сохранился и до настоящего времени. Его можно увидеть южнее прохода, идущего вдоль южного забора Городской больницы для взрослых №15 от храма Святой Нины к улице Чекистов.

Полежаевский парк и катание на лодках. В послереволюционные годы Полежаевский парк скорее был лесопарком, чем парком. В нем никаких специальных объектов для обеспечения отдыха и времяпрепровождения посетителей уже не было. Даже в воскресные дни в конце 30-х годов большого наплыва отдыхающих мы не наблюдали – иногда промелькнет одинокая парочка – и больше никакого людского движения. В парке не было ни беседок, ни скамеек, не было какой-либо торговли мороженым, напитками, пирожками. Нам удавалось лакомиться вафельным мороженым только благодаря мороженицы с тележкой, иногда передвигавшейся по улице самого поселка. До сих пор помню, как продавщица мороженого в пустотелую круглую форму помещала кусочек вафли, заполняла форму мороженым, накрывала его сверху еще одним кусочком вафли, и с помощью специального штока в ручке выталкивала в наше распоряжение объект незабываемой детской радости и наслаждения.

Обширное зеркало водной поверхности Лиговского озера, обрамленное с запада деревьями Полежаевского парка и с севера - липовой аллеей и плотиной, живописный остров рядом с мельничным водосбросом - все это располагало к организации лодочного катания. Но судя по моим воспоминаниям и рассказам моих родителей, какого-нибудь организованного лодочного катания на озере в послереволюционное время не было (по крайней мере – после 1930 года). Так, согласно рассказу бывшей жительницы поселка Клиново Тихомировой Е.В., в предвоенные годы на озере было только две лодки, одна из которых принадлежала их семье, а другая – семье Эйсмант. Лодки были «припаркованы» под замком в протоке у «Острова любви». Перед началом войны, когда основная часть воды из озера была спущена и уровень озера понижен на 2,5 ...3 метра, эти лодки переместили на речку Ивановка.

Однако, многочисленные дореволюционные открытки, фотографии и документы свидетельствуют о весьма обширном и массовом лодочном катании на Лиговском озере.

В тот дореволюционный период лодочная станция помещалась на двух плавучих дебаркадерах. Такое расположение станции позволяло изменять ее местоположение в зависимости от времени года. В летний основной период работы станции она находилась в непосредственной близости от берега в районе шлюза. На лодки можно было попасть как с самого дебаркадера, пройдя на него по специальному трапу. На открытках дореволюционных периодов можно увидеть часть этого трапа, идущего от липовой аллеи к дебаркадеру.

Для временного укрытия от дождя в районе шлюза был сооружен навес, прикрывающий своей крышей часть водной поверхности озера. В зимне-осенние периоды года, когда лодочное катание уже не осуществлялось, дебаркадеры-ангары использовались как помещения для хранения и межсезонного обслуживания лодок, - их конопачения и покраски. В зимне-осенний период лодочные станции-дебаркадеры сплавляли на мелководье в северо-восточную заводь озера.

Плотина и шлюз. Для нас, детей, плотина (дамба) и шлюз с водоотводной системой являлись объектами частого посещения. Летом - местом игр и прогулок по ступенчатому водосбросу плотины и верховью Бабьей речки, зимой – лыжных катаний и спуска с горы, в качестве которой выступал крутой северный откос дамбы-плотины.

В центральной части плотины располагалась шлюзовая система, основной частью которой были три металлические заслонки. Сброс воды из озера в Бабью речку осуществлялся за счет подъема этих заслонок с помощью зубчатого речного механизма. При подъеме заслонки вода из озера уходила через щель, образующуюся около ее нижней части. Кто и в какие моменты регулировал положение этих заслонок, сказать не могу. Но, во всяком случае, сезонных или погодных колебаний уровня воды в озере практически не наблюдалось. Кроме того, согласно воспоминаниям жителей поселка Клиново в здании рядом с мельницей в довоенные годы жил человек, которого именовали мельником, одной из обязанностей которого, предположительно, было следить за уровнем воды в озере.

Перед самой войной заслонки были подняты (судя по снимку, была существенно поднята западная заслонка шлюза), в результате чего уровень воды в озере резко понизился (примерно на 2,5...3 метра), обнажив большие площади вязкого дна. По каким причинам и для чего был осуществлен этот слив озера, сказать не могу. По одному из предположений – необходимостью ремонта или замены шлюзового хозяйства. По другому соответствующему шпиономании, господствовавшей в то время повсеместно – вредительством, облегчающим немцам захват Ленинграда.

Таким пониженным уровень озера сохранялся еще и в военные годы. По крайней мере, как свидетельствуют аэрофотоснимки, - по осень 1943 г. Очевидно, что создание глубокого прорана в плотине, вызвавшего окончательный «уход» воды из озера и возрождение южного (по отношению к плотине) участка реки Дудергофки, было осуществлено позже указанной даты.

Водосброс за шлюзом представлял ступенчатую дощатую конструкцию, состоящую из нескольких (3...4-х) больших ступеней весьма уже потрепанных в те предвоенные годы. Здание мельницы и соседствующие с ним постройки также не блистали своей сохранностью.

Есть мнение, что восточнее шлюза существовал еще один водосброс с фиксированной высотой верхней кромки. Такой водосброс мог бы автоматически «поддерживать» предельный уровень воды в озере. Но достаточно убедительных доказательств существования такого дополнительного водосброса, по крайней мере, в предвоенные годы и послереволюционный период, нет.

В то же время можно привести целый ряд аргументов, указывающих на то, что дополнительного водосброса не существовало. В частности, судя по довоенным фото и открыткам, на этом участке по гребню дамбы-плотины проходила сплошная (без разрывов) аллея из возрастных деревьев (возрастом не менее 50-и лет). Да и согласно моей памяти и воспоминаниям жителей Клинова, каких-либо признаков существования указанного водосброса не было. Этот склон в практически неизменном виде без признаков наличия когда-либо водосброса существует и в настоящее время.

Севернее шлюза проходил пешеходно-гужевой мост. Мост принадлежал дороге, напрямую связывающей Лигово с Пулковскими высотами. Состояние моста и состояние дороги указывало на то, что он, как и сама Пулковская дорога уже в предвоенное время не играла заметной транспортной роли. Хотя по воспоминаниям жителей Клинова через этот мост в ходе отступления из Красного Села беспрепятственно проехала тяжелая зенитная батарея.

На зимнем снимке за фигуркой лыжника видны перила этого моста, а также часть Пулковской дороги и западная части липовой аллеи. В зимнее время дорога в районе плотины не расчищалась и для движения практически не использовалась.

Предположительно, южнее моста и шлюза проходил еще один мостик для пешеходов. На фото 1930 г на этом мостике стоят красноармейцы. В мое дово-

енное время он уже был полностью разрушен. Предположительно, на снимке 1939 г. отражено как я, и мой брат стоим на обломках этого мостика.

Мельница. Уже в предвоенные годы водяная мельница была неработающей и существенно развалившейся, поэтому приводимые здесь факты и описания часто имеют гипотетический, вероятностный характер. К таким гипотетическим фактам можно отнести и то, что еще в 1930 году система привода водяного колеса была еще в работоспособном состоянии. В частности, в проекте создания производственно-жилого поселка «Знамя труда», впоследствии получившего название Клиново, записано: *«...проток, приводящий в настоящее время <это 1930 год> в движение мельницу, предполагено в будущем использовать для установки небольшой электростанции».*

Забор воды в мельничный водовод осуществлялся западнее шлюза, примерно в 10...15 метрах от него через дополнительный водопропускной канал, переходящий в водопропускной туннель. Предположительно, входная его часть отражена на старинной открытке, но предвоенные и послевоенные годы явных признаков присутствия указанного водопропускного канала и туннеля нами не наблюдались. Одному из участников Лиговского форума удалось в 2011 году обнаружить следы водопропускного туннеля, проникнуть в него и вот как он описывает свои впечатления от увиденного: *«Остатки хода <туннеля> идут параллельно реке. Если продлить его по прямой, то получается, что северным концом он упирался в фундамент мельницы, а южным - в берег бывшего озера...Глубина от поверхности земли до потолка - с полметра, высота от пола до потолка - примерно метр. Очевидно, изначально ход имел прямоугольное сечение... Не берусь ничего сказать о возрасте дерева, но бетон, как видно, старый. ... Доступный участок имеет длину всего в несколько метров. С обеих сторон - завалы с сильной деформацией конструкций».*

Судя по практически горизонтальному положению туннеля и его относительно малой глубине залегания, поступление воды на мельничное колесо было организовано по, так называемой, «наливной системе верхнего боя». В этом случае водяная струя ударяет (бьет) в верхнюю часть колеса, обеспечивая при

этом использование для вращения колеса не только ее кинетическую, но и потенциальную энергию. Такие мельницы обладают большим КПД, хотя для их работы требуются относительно высокие плотины. Высота Лиговской плотины в 7...8 метров не только обеспечила создание мельницы с верхним водотоком, но, по некоторым сведениям, позволила применить на мельнице колесо с большим для Европы диаметром.

Для меня остается загадкой - существовало ли специальное дополнительное устройство, с помощью которого осуществлялось воздействие на количество воды, поступающей на водяное колесо мельницы. Каких-либо признаков присутствия такого устройства в предвоенные годы не наблюдалось. Конечно, уровень воды в озере и, соответственно, количество воды, поступающей в водоотводной канал мельницы и на ее водяное колесо, зависят от положения заслонок шлюза, влияющего на уровень воды в озере. Но такое использование заслонок шлюза вряд ли могло обеспечить оперативное, быстрое управление вращением мельничного колеса. Ведь для заметного изменения уровня воды в озере с такой большой площадью поверхности, как поверхность Лиговского озера, требуется много времени.

Недавно, одним из участников лиговского форума было найдена часть мельничного мукомольного жернова. Судя по найденным остаткам диаметр жернова достигал одного метра.

Большая канава-ров. С западной стороны Полежаевский парк был отделен от поселка Урицк глубокой мелиоративной канавой-рвом. Именно по ее западному земляному отвалу проходила восточная часть забора нашего сада. Канава в этом районе была глубокая (глубиной порядка 3...3,5 м.), а забор нашего сада проходил так, что даже было трудно пройти вдоль него, не соскальзывая вниз по откосу. Вид и состояние канавы довольно точно, не смотря на разрыв во времени, отражает ее изображение на дореволюционной открытке. Сосны парка находились в непосредственной близости от восточного края ка-

навы (на фотографии сада кроны и стволы сосен Полежаевского парка видны за забором).

Воды в канаве было мало, так что ее можно было переходить посуху во многих местах. Исключение составлял лишь весенний период, когда она заполнялась (местами на глубину 1 метр) талой водой. Никакого существенного движения воды в канаве даже в весенние периоды с резким потеплением не наблюдалось, как и не наблюдалось какого-либо поступления воды из Лиговского озера через какие-либо дополнительные каналы, К концу весны в канаве оставались лишь отдельные лужицы, сосредоточенные в неровностях дна.

Отмечу также, что в некоторых местах западного (ближнего к поселку) склона просматривались канализационные выпуски, из которых местами наблюдалось лишь «легкое» просачивание не всегда чистых вод.

На форуме иногда высказывались предположения о возможном назначении канавы, как дополнительного пути отвода паводковых вод из реки Дудергофки. Но, опираясь на результаты анализа высотных различий местности, например, считаю эту версию несостоятельной. В частности, прилегающая к поселку центральная часть парка, по крайней мере, на два метра выше северного и южного концов канавы. В результате чего, по моему мнению, талые воды могли уходить по канаве не только в северном, но и южном направлении.

К несостоятельным версиям возникновения большой канавы я отношу также версию ее образования в результате выемки грунта для формирования насыпи Лиговского участка железной дороги – слишком экономически нецелесообразно строить насыпь с перемещением земли на километр и более, при этом, не используя землю с прилегающих к строительству пустыющих окрестностей. Например, как было сделано в районе станции Дачное, где в результате выемки грунта образовались два озерца, примыкающих с северо-запада к железнодорожной насыпи. Озерца были удобными для купания, чем мы с братом часто в послевоенное время пользовались, доезжая до платформы «Дачное» на поезде (Балтийский вокзал был неподалеку от места нашего проживания на 13-

ой Красноармейской улице). К сожалению, в настоящее время эти озера оказались засыпанными.

Высокие земляные отвалы в сочетании с практически обезвоженной глубокой канавой делали их одним из привлекательнейших мест нашего детского времяпровождения. Игры на канаве обычно сопровождались рытьем пещер и так нами называемых, «теплин» - земляных печей, вырытых в теле отвалов.

Большая Лиговская канава-ров сыграла существенную роль в формировании немецкой линии фронта на Урицком участке. Известно, что передовые немецкие подразделения именно в районе Урицка раньше всего приблизились к предместью Ленинграда и даже частично проникли на западную его окраину в районе Дачного. Например, в книге Вильгельма Липпиха. «Беглый огонь. Записки немецкого артиллериста 1940-1945». опубликованы следующие его воспоминания, относящиеся к тому периоду времени:

«15 сентября, во второй половине дня, наша рота вошла в Урицк, крошечный городок с небольшими деревянными домами. Только когда мы вышли к берегу Финского залива, я понял, где мы оказались. Нас отделяло лишь 10-12 километров от Ленинграда. На горизонте можно было различить вершины заводских труб и крыши высотных зданий. Несмотря на то, что во время боев мы не испытывали восторга от близости к этому городу, теперь нас охватило волнение при мысли о том, что с его захватом до полной победы над Россией нас будут отделять считанные дни... Позднее нам стало известно, что передовые части нашей дивизии увидели городской трамвай, в котором ехали русские пассажиры, не знавшие о нашем прибытии.

Вскоре мы возобновили наступление и оказались на улицах предместий Ленинграда, где миновали несколько кварталов двух-трехэтажных домов, встретив лишь незначительное сопротивление частей Красной Армии. Всё ещё продвигаясь по предместьям города, мы получили приказ остановиться и отойти на более безопасные позиции обратно в Урицк. Безоговорочно доверяя верховному командованию, мы пришли к выводу, что для такого приказа, по видимому, имелись достаточно веские основания.

Многие из нас полагали, что остановка – лишь временная мера, позволившая перегруппироваться перед возобновлением скоординированного наступления. Ничто не указывало на то, что от попытки захватить Ленинград одним ударом верховное командование вермахта отказалось. Через несколько дней нам сообщили, что вместо штурма Гитлер приказал начать осаду города. К этому времени части вермахта окончательно блокировали Ленинград и отрезали его от остальной части Советского Союза, за исключением водного пути через Ладожское озеро. Было ясно, что город непременно сдастся, что это лишь вопрос времени».

Очевидно, что глубокий двухкилометровый ров, протянувшийся в Урицке в нужном для немцев по оборонительной тактике направлении и отделенный от предместья Ленинграда протяженной водной преградой в виде остатка Лиговского озера и реки Дудергофки, был в первую очередь использован немецкими войсками в качестве готового фортификационного сооружения. В результате чего Лиговская большая канава (ров) стала в районе Урицка одним из основных звеньев в оборонительной цепи немецких позиций почти на все 900 дней Ленинградской блокады. В частности с весны 1942 года по весну 1943 в канаве в районе нашего сада располагался штаб 2-й роты Норвежского легиона СС. Но своими более развернутыми воспоминаниями и соображениями о ходе военных действий в районе Лигова я постараюсь поделитьсЯ дополнительно.

Владимир Николаевич Павлов

2014 г.